Министерство культуры Омской области

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН

Сибирский филиал Российского института культурологии

РУССКИЙ ВОПРОС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы VI Международной научно-практической конференции

(Омск, 1–2 ноября 2007 г.)

VIII фестиваль русской культуры
ДУША РОССИИ
ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ
2007

Омск
2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

М. Н. Губогло. Год русского языка – 2007: во имя сотрудничества и солидарности 9

ФИЛОСОФСКОЕ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ «РУССКОГО ВОПРОСА»

Е. М. Акулич, М. М. Акулич, Л. П. Гербер. Юрий Крижанич о России 13
О. К. Андрющенко. Предвыборные тексты как фрагмент политического дискурса 15
А. В. Антощенко. Евразия или Святая Русь: первоначальный ответ Г. П. Федотова 17
Н. Л. Варова. Осознание культуры в русской философии XX века 19
А. В. Винник. «Русский вопрос» в Германии 1920-х годов: о самосознании русских в инокультурной среде 21
Е. В. Головнева. О специфике русской национальной научной и философской традиции 23
Т. И. Грицкевич. Русский вопрос как попытка самовыражения в периоды реформационных сдвигов в истории России 25
В. К. Довгяло. Человек в условиях революции и Гражданской войны: (по материалам Пермской губернии) 27
Е. А. Ерохина. Концепт «Евразия» и условия производства Евразийского дискурса 29
М. А. Жигунова. Некоторые проблемы этнической идентичности (на примере русских Сибири) 32
В. Д. Жукоцкий, З. Р. Жукоцкая. Путь России: характеристика современной эпохи 35
О. В. Конева. Процесс модернизации России в концепции евразийцев 37
Е. В. Кальпиди. Культурное взаимовлияние: заимствование культурных форм путем театрализации 39
А. де Лазари. Проблема русскости и российскости (взгляд со стороны) 40
А. М. Лесовиченко. Русский патриотизм и православие 41
В. И. Марков. Мессианство и национальная идея: функциональный аспект 43
А. П. Масютин. Русские, кто мы – чистая кровь или этнический коктейль? 46
Е. В. Мельникова. Русский характер: каким его видят сегодня 48
С. И. Минько. «Славянский вопрос» в историософии Н. Я. Данилевского 50
Е. П. Неменко. Европейское право в России: к вопросу о несовместимости 52
К. Э. Разлогов. Православие – самодержавие – народность: исторические трансформации магической формулы (XIX–XXI века) 53
В. И. Разумов. Самоопределение российской философии в социально-историческом процессе 54
И. О. Саврушева. Изменение личности в современной России 57
С. С. Салазникова. Россия: серединный мир, особая цивилизация, великая держава? 59
М. Н. Саркисян. К вопросу о конструировании «русского вопроса» 61
А. В. Свиридов. Национальная идея в русской религиозной философии начала XX века 64
Т. А. Семилет. Культурологический аспект «русского вопроса» 66
В. С. Стуканов. Актуальность психоанализа в современном российском социуме 69
В. В. Суриков. Мессианство русской нации 71
О. И. Сыромятников. Русский вопрос в прошлом и настоящем России 72
Е. А. Тюгашев. П. Я. Чаадаев о северной идентичности России 75
В. Д. Червенчук. Русский вопрос в свете геополитических интересов России 76
В. П. Щенников. Национальное самосознание 78
Е. А. Яковлева. Русский менталитет и традиции русской духовной культуры 79

РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ РУССКИХ И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. М. Берестова. Влияние православной церкви на демографическое поведение населения Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века) 81
Ю. В. Бондарева. К вопросу об особенностях религиозного сознания русских в Республике Хакасия 83
Н. В. Воробьева. Нагорная проповедь в «Возражении или разорении...» святейшего патриарха Никона 85
О. А. Гайлит. Молодежь и религия в советском обществе 1940–1960-х годов (по материалам Западной Сибири) 86
Н. В. Елизарова. Духовная книга в репертуаре чтения жителей Западной Сибири в конце XIX – начале XX века 88
А. В. Еремин. Религиозная традиция и формирование национального самосознания в современной России 90
С. А. Казанцева. Деструктивные религиозные секты и причины их распространения в России 92

РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ РУССКИХ И РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. М. Берестова

ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Православная церковь, являясь государственной и господствующей идеологией, оказывала влияние на все сферы жизни населения России. По существу, православная вера освящала и регламентировала всю жизнь человека от рождения и до смерти. Церковь организовывала и личную жизнь людей путем строгого нормирования семейно-брачных отношений и формированием особого взгляда на жизнь и смерть.

Согласно догматам православной церкви, христианская семья была единственно возможным сочетанием плотской жизни со служением Богу. Освященная таинством венчания семья являлась своего рода малой церковью. По мнению церкви, в холостом состоянии верующий христианин может пребывать только в двух случаях: если он посвятил себя служению Богу или же физически неспособен к брачной жизни.

В русской крестьянской среде взгляд церкви на брак (как на моральный долг каждого человека) получил полную поддержку. Как отмечает Б. Н. Миронов, «с точки зрения русского земледельца XVIII – начала XX вв., брак – важнейшее условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Вступление же в брак – моральный долг»[1]. Подобные взгляды на брак в определенной степени обуславливались и экономическими причинами. Для всего населения Удмуртии, которое, как и по всей России, в рассматриваемый период было по преимуществу крестьянским, в независимости от национальности, был характерен высокий уровень брачности.

У русских крестьян законным и священным признавался только брак, освященный в церкви. Долгое время обряд венчания воспринимался лишь как своеобразный способ юридического оформления брака. Однако с течением времени происходило все более прочное усвоение христианской догматики и ритуалов. Уже в XVI в. большая часть населения воспринимала совершенно естественным и необходимым совершение церковного обряда, который становился составной частью традиционного свадебного ритуала. Обряд венчания занимал особенное место в жизни крестьян и назывался ими «судом Божьим».

У нерусского населения Удмуртии отношение к церковному браку было несколько иным. По сообщениям духовенства, еще в начале XIX в. подавляющее большинство удмуртских и марийских мужчин и женщин не спешили освятить свой союз в церкви. Да и на протяжении всего столетия сожительство оставалось одним из наиболее часто встречающихся прегрешений нерусского населения против христианской веры и нравственности. Под воздействием миссионерской деятельности православного духовенства подобная практика постепенно изживалась. Однако даже в 1899 г., в Удмуртии насчитывалось около 1 700 пар, живших невенчанными, в т. ч.: в Глазовском уезде – 93, Малмыжском – 482, Елабужском – 581, Сарапульском – 538[2]. По мнению духовенства, существовало две основных причины сохранения сводных сожительств: первая – недостаточность средств у нерусского населения и вторая – излишняя свобода в отношениях мужчин и женщин у удмуртов, марийцев и бесермян.

Православной церковью также регламентировался возраст вступления в брак. Но необходимо отметить, что, хотя по закону было запрещено вступать в браки мужчинам ранее 18 лет и женщинам ранее 16, такие браки нередко встречались. В таком случае родители жениха или невесты обращались к епархиальному начальству с прошением о разрешении венчания[3]. Венчать несовершеннолетних без письменного разрешения епархиального начальства было строго запрещено. Так, сарапульский свя-

щенник Михаил Суворов за венчание несовершеннолетних без разрешения от Сарапульского духовного правления был оштрафован и наказан наложением епитимии[4]. Чаще всего в качестве причины для заключения такого брака называлось отсутствие женских рук в доме жениха и необходимость вести хозяйство. Особенно часто браки несовершеннолетних заключались в период Первой мировой войны. Духовенство весьма неохотно давало разрешение на такие браки, но, если дело касалось удмуртов или марийцев, шли на уступки, опасаясь распространения сводных сожительств.

Огромное влияние православная церковь оказывала и на сезонность заключения браков. В течение года браки распределялись неравномерно. Церковь воспрещала венчания на протяжении четырех постов – Великого (48 дней), Рождественского (40 дней), Петрова (20 дней) и Успенского (15 дней). Кроме того, венчание было запрещено с 25 декабря до 6 января, во все дни Масленицы (неделя перед Великим постом) и пасхальной недели, в кануны и в дни церковных и государственных праздников, а также накануне среды, пятницы и воскресенья в течение всего года. Следовательно, в марте и декабре браки не должны заключаться, а для апреля, июня и августа должно быть характерно небольшое количество браков, что и наблюдается на примере Удмуртии.

Частые колебания числа венчаний в феврале объясняются переходящим характером Великого поста, который мог начинаться и в феврале, и в марте. По русским приходам сел Июльское и Полозово максимальное количество браков заключалось в январе – феврале и октябре – ноябре. Многочисленные браки зимой и осенью были связаны также с аграрным циклом: с окончанием сельских работ в сентябре начиналось время свадеб (с перерывом в декабре в связи с Рождественским постом), достигавшее своего апогея в январе – феврале и замиравшее к началу нового цикла работ в марте – апреле. По приходам удмуртских сел максимум браков приходилось на январь – февраль и июнь – июль.

Что касается расторжения брака, то церковь всегда смотрела на него отрицательно. Однако лишь в первой половине XIX в. духовенству в основном удалось добиться того, что официальный развод стал возможен только с санкции духовного суда и при самом строгом соблюдении требований к основаниям развода. К концу XIX в. церковным и государственным законодательством признавалось семь оснований для расторжения брака[5]. Но даже развод на законных основаниях был сильно затруднен. За период с 1896-го по 1904 г. Сарапульским духовным правлением было рассмотрено 35 дел о разводе, в подавляющем большинстве основной причиной для официально развода являлись уголовные наказания одного из супругов[6].

Помимо регулирования процесса вступления в брак и его расторжения церковь пыталась влиять и на семейные взаимоотношения. В частности, церковью строго охранялась чистота брачных уз. Измена одного из супругов могла повлечь за собой не только развод, но и запрещение к вступлению в новый брак для виновной стороны. Помимо этих радикальных мер широко практиковались такие наказания, как церковное покаяние или заключение в монастырь. Так, в 1896–1903 гг. заключению в Сарапульский женский монастырь сроком от четырех до шести месяцев (за прелюбодеяние) были подвергнуты четыре крестьянки Сарапульского викариатства и две мещанки Сарапула[7].

Как следует из приведенных выше данных, православная церковь оказывала огромное воздействие на формирование демографического поведения населения Удмуртии. Церковью регулировался брачный возраст, степень родства и свойства, вступающих в брак, сезонность заключения браков. Церковное законодательство в сфере семейного права было введено в ранг государственных законов, и поэтому церковь являлась своеобразным регулятором демографических процессов.

---

[1] *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). – СПб., 2000. – С. 161.

[2] Вят. епарх. ведомости. – 1900. – № 9. – С. 382–399.

[3] Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 245. Оп. 4. Д. 45. Л. 119.

[4] Там же. Д. 56. Л. 38.

[5] *Суворов Н.* Развитие церковного устройства. – СПб., 1898. – С. 389–391.

[6] ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 762. Л. 1–116.

[7] Там же. Л. 2 об., 9, 24 об., 56 об., 63.